М. А. Немировский.

Лингвистическая география и ее значение

(M. J. Nemirowsky. Die Sprachgeographie und ihre Bedeutung).

Оттиск из Известий Горского Педагогического Института.
Том III.

Besonderer Abdruck aus den Nachrichten des Gorsky Paedagogischen Instituts.
Band III.

Владикавказ. 1926. Vladikavkas.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

жене моей Р. И. НЕМИРОВСКОЙ

самоотверженному другу и верному товарищу на жизненном пути.

Лингвистическая география и ее значение.

М. Я. Немировский.

Die Sprachgeographie und ihre Bedeutung.

M. J. Nemirowsky.

I.

В современной западно-европейской науке о языке все большее и большее значение приобретает т. н. лингвистическая география (Géographie linguistique, Sprachgeographie [1]). Лингвистическая география возникла и выросла на почве диалектологии, т. е. той именно отрасли языковедения, которая занимается изучением живого языка, живых говоров [2]). Диалектологические изыскания обнаружили необыкновенно разнообразное, порою причудливое распределение языковых явлений в пространстве. Потребность наглядно и отчетливо изобразить раскрывающуюся при таком подходе картину многообразия языка заставила лингвистов—диалектологов прибегнуть к испытанному уже в географии средству—картографии.

Первая попытка картографического изображения языковых фактов была сделана еще в конце семидесятых годов прошлого столетия Georg'ом Wenker'ом.

Широко задуманный им лингвистический атлас Германии, начатый в 1876—77 г. г., не был выпущен в свет из-за отсутствия средств: издание было приостановлено после первого выпуска, вышедшего в Страсбурге в 1881 г.

Приблизительно в тоже время было положено начало лингвистической картографии и во Франции, где Jule Gilliéron выпустил свой „Atlas phonétique du Valais roman“ (Paris 1881).

---

[1]) См., например, указания в Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft, Festschrift für Wilhelm Streitberg. Heidelberg 1924. passim, особенно p. p. 305 sqq, 482 sqq и 578 sqq и 596—608; Jos. Schrijnen, Einführung in das Studium der indogermanichen Sprachwissenschaft, übersetzt von D-r Walther Fischer. Heidelberg 1921, p. p. 96—102.

[2]) Поэтому у немцев употребительно также название Dialektgeographie.

После этих первых попыток наступает довольно продолжительное затишье, и только на рубеже 19-го и 20-го столетий в разных странах Западной Европы замечается усиленный интерес к лингвистической картографии. Так, в Тюбингене Hermann Fischer опубликовывает „Atlas zur Geographie der Schwäbischen Mundart (1895), в Копенгагене выходит лингвистический атлас Дании V. Bennike и M. Kristensen'a (1898—1914), в Лейпциге Gustav Weigand на средства румынской Академии издает „Linguistischer Atlas des daco—rumänischen Sprachgebietes" (1898—1909), подготовительные работы начинаются для создания лингвистических атласов романской Швейцарии, Северной Италии и Каталонской области Испании.

Но особенно интенсивна и успешна была работа во Франции.

В течение 1900—1912 г.г. в Париже удается издать „Atlas linguistique de la France", получивший громкую известность. Заключая в себе 35 выпусков по 50 карт в каждом и представляя результаты обследования 638 местных говоров Франции, этот атлас дает богатейший материал не только фонетических особенностей, но и явлений лексикологических и морфологических.

Создал этот монументальный труд упомянутый уже нами Jule Gilliéron в сотрудничестве с E. Edmont'ом. Если J. Gilliéron был мозгом и душою всего предприятия, то E. Edmont'y принадлежит заслуга выполнения всей кропотливой и утомительной работы по непосредственному собиранию материала на протяжении всей французской территории, которую он в течение четырех лет (1897—1901) неустанно обследовал по заранее выработанному плану и маршруту. Параллельно велись работы и меньшего масштаба, плодом которых был ряд областных лингвистических атласов, каковы, напр., G. Millardet, Petit atlas linguistique d'une région des Landes (Paris 1909), Oscar Bloch, Atlas linguistique des Vosges méridionales и другие [1]).

Однако, пока лингвистическая география ограничивалась картографическим изображением языковых фактов, она имела для лингвистики значение лишь вспомогательного, иллюстрирующего средства.

Новая фаза развития лингвистической географии началась в тот момент, когда приступили к интерпретации лингвистических карт, к об'яснению изображенных на этих картах языковых явлений.

Интерпретация „Лингвистического атласа Франции" в руках ее автора J. Gilliéron'a превращается постепенно в своеоб-

---

[1]) Дальнейшие библиографические указания см. Albert Dauzat, La géographie linguistique, Paris 1922, p. 25 и 194—195.

разную лингвистическую теорию, пытающуюся при помощи данных французской диалектологии проникнуть в тайны биологии языка [1]).

Под влиянием J. Gilliéron'a лингвистическая география привлекает к себе внимание ученых и становится важной отраслью языкознания не только во Франции, но также в Швейцарии и Германии.

В чем же заключается сущность лингвистической географии? и в чем ее значение? Ответ на эти вопросы и составит предмет нашего дальнейшего изложения, не претендующего по своим размерам на исчерпывающую полноту, но представляющего собой опыт общей характеристики новой отрасли науки о языке [2]).

II.

Исходный пункт лингвистической географии—изучение фактов языка в их пространственном распределении.

В „Лингвистическом атласе Франции" каждому слову, каждой граматической форме, каждому словосочетанию, каждой фразе [3]) отводится специальная карта. Главная масса карт изображает географическое распространение того или иного слова, так как именно в лексике обнаруживается особенная пестрота и разнообразие языка. Правильность этого наблюдения подтвердит любая карта.

Бросим взгляд напр., на картину, посвященную слову abeille (пчела). Древнее, латинское слово apis сохранилось в нескольких пунктах на крайнем юге в виде aps и на крайнем севере в форме é.

Вместе него мы находим ряд разных других слов. Прежде всего производные от него, как avette, введенное в литературу Ронсаром, в области нижней Лауры, как essette на востоке, как abeille, происходящее из области Сентонж и Ангумуа, распространившееся затем по всему центру и, наконец, вошедшее в парижский говор и французский литературный язык.

---

[1]) Начало этой теории положено Gilliéron'ом в небольшом этюде, изданном в сотрудничестве с I Mongin'ом, озаглавленном „Scier dans la Gaule roman du Sud et de l'Est (Paris 1905), затем идет ее разработка в ряде работ, каковы: J Gillieron et M Roques, Études de géographie linguistique, Paris 1912, J. Gilliéron, L'aire „clavelus" (1912); Pathologie et therapeutique verbales, I, II, 1915, III. IV, 1921 Paris, Généalogie des mots qui désignent l'Abeille d'aprés l'Atlas linguistique de la France, Paris 1918; La Faillite de l'étymologie phonétique, Neuveville. 1919, Les Etymologies des étymologistes et celles du peuple P 1921; Thaumaturgie linguistique, P. 1923

[2]) Подробное изложение проблем и метода лингвистической географии дает Albert Dauzat, La géographie linguistique, Paris 1922 и Georges Millardet, Linguistique et Dialectologie Romanes, Paris—Montpellier 1923.

[3]) Понятно, произведен отбор на основании предварительного обследования говоров.

Затем во многих говорах слово „пчела" заменено словами „муха" и „оса"—mouche à miel, mouchette, guêpe,—даже словом essaim (рой пчел), через т. н. „синекдоху" (totum pro parte).

Еще более показательна карта слова champ (поле), где мы находим 639 различных диалектических форм для обозначения поля.

Какие выводы позволяют сделать эти карты? как их читать и интерпретировать?

„Географические условия, говорит J. Gilliéron [1]), в которых представляются лингвистические факты, сами по себе указывают на другие факты".

Из этой общей формулы вытекают два принципа. Один из них—принцип географической „конфигурации" или „непрерывности" площади распространения лингвистического факта (le principe de configuration géographique или le principe de la continuité des aires). Так, например, если латинское apem (apis) сохраняется ныне в четырех раз'единенных между собой участках: 1) на севере, в Артуа, 2) на востоке, в Швейцарии, 3) на северо-западе, на острове Гернси (Guernesey), 4) на юго-западе, в Медоке, то эта географическая конфигурация позволяет сделать вывод, что apem некогда занимала всю площадь, лежащую между этими четырьмя участками, которые представляют собой остаток первичного сплошного пласта, скрытого постепенно последующими вторичными, третичными и т. д. наслоениями. В этом случае лингвистическая география превращается уже в лингвистическую геологию.

Другой принцип—принцип „совпадения площадей" (superposition des aires) состоит в том, что, если два факта наблюдаются по всей данной территории и границы их распространения совпадают, то позволителен вывод об их зависимости, односторонней или обоюдной. Так, например, если на одной и тойже территории мы встречаем два лингвистических факта—фонетическое изменение конечного латинского—**ll** в—**t** (напр., cot из латинского collum и gat из лат. gallum) и там-же лексикологическую замену слова gallum слозами hazan (из лат. phasianum) и bégéy (из лат. vicarium), то можно заключить, что явление лексикологическое является следствием указанного фонетического изменения.

В своих изысканиях J. Gilliéron не ограничивается интерпретацией языковых фактов, собранных в его Атласе но, пользуясь богатейшим материалом, представляемым многочисленными местными говорами Франции, создает весьма оригинальную и своеобразную теорию „жизни" языка [2]).

---

[1]) Atlas linguistique de la France, compte rendu de M. Thomas. Paris, 1904, p. 8.

[2]) См. о ней так-же мою работу „Современное языкознание и его очередная задача", стр. 184 сл. (Известия Горского Педагогического Института, III).

Если „классическая“ лингвистика, возглавляемая т. н. „младограмматиками“, в своем стремлении проникнуть в сущность эволюции языка имела своим отправным пунктом факты фонетические, если при помощи сравнительно—исторического метода она устанавливала закономерность звуковых изменений и, оперируя понятиями „звуковых законов“ и т. н. аналогии, изображала картину развития внешней стороны языка, то теория J. Gillieron'a построена на совершенно иных основаниях. В его понимании эволюция языка отождествляется с эволюцией внутренней, лексико-семантической стороны языка, как органа мысли.

„La vie du francais n'est pas dans les organes phonateurs, elle est dans le cerveau“ [1]), заявляет J. Gilliéron.

„Les phonéticiens, говорит в другом месте [2]) названный ученый. feront quelque belle loi phonétique..... Ils ne percoivent guére dans l'évolution d'une langue que celle qu'y produisent les organes phonateurs et négligent célle qui se produit dans le cerveau“ [3]).

„Est ce la richesse des produits des organes phonateurs, спрашивает он в третьем месте [4]), qui doit servir de base dans l'appréciation de la vitalite des parlers, ou est ce la production de l'activité cérébrale“?

Отсюда понятным становится его пренебрежительное отношение к „étude du mouvement des organes phonateurs“, или к „la science dite phonétique“ [5]), как к науке, которая в разрез с его интеллектуалистической концепцией чисто механистически рассматривает язык и его эволюцию.

Внешняя, звуковая сторона языка вообще, по мнению J. Gilliéron'a, не может служить опорным пунктом исследования, так как она „n'est qu'un vêtement continuellement rapiécé et rafistolé au cours des ages et auquel il ne reste souvent dé son état primitif qu'une miserable piéce“ [6]).

„Ne soumettez provisoirement à l'observation phonétique, предостерегает поэтому J. Gilliéron [7]) que ce que vous croyez qui échappe à l'observation historique, en vous souvenant toujours que votre ennemi, c'est l'inconnu, l'impénétrable pour le linguiste, c'est le mystère physiologique, et que ce mystère ne pourra se révéler comme impénétrable qu' en reculant d'abord les bornes à l'aide de l'histoire et du raisonne-

[1]) La faillite, p. 102.

[2]) op. c. p. 94.

[3]) op. c. p. 67.

[4]) op. c. p. 95.

[5]) Généalogie des mots qui désignent l'Abeille, p. 114.

[6]) La faillite, p. 95.

[7]) op. c. p. 133.

ment.—Observez, comme si à la base des évolutions il n'y avait aucune mystère physiologique, mais simplement une oeuvre de réflexion, plus ou moins consciente, à laquelle votre raison peut atteindre".

В глазах вождя лингвистико-географической школы фонетика представляет собою лишь вспомогательное средство, которое к тому же легко может ввести в заблуждение, когда при помощи его пытаются об'яснить историю народных говоров. „Puissante comme instrument d'observation, говорит J. Gilliéron, [1]) pour nous permettre de découvrir les marques physiques d'origine étrangère ou récente que peut présenter tel ou tel mot, elle n'est pas un instrument d'épreuve certain; elle ne donne pas le moyen de connaitre, dans un parler, les étranger ou les nouveaux venus qui se déguisent; elle se laisse tromper et elle nous trompe".

Так он приходит к выводу, что фонетика гипнотизирует [2]), дает нам только миражи—„mirages phonétiques", в особенности же при попытке найти в звуковой форме современных романских говоров непрерывную локальную традицию, восходящую к латыни [3]).

Вполне естественным следствием этого предубеждения против фонетики является отрицание сравнительной грамматики и попытка доказать крах этимологии—„la faillite de l'étymologie phonétique" [4]), так как базой этих обоих отделов языкознания служит все таже „т. н. наука фонетика".

Зато лексико-семантическая сторона языка, где проявляется „activité cérébrale", где обнаруживается работа мысли, привлекают всецело внимание J. Gilliéron'a. Здесь центр тяжести его теории, здесь он находит те пути, которые приводят его к пониманию „биологии" языка. Лингвистическая география превращается таким образом в географию лексикологическую [5]), и на ее основе J. Gilliéron строит свою теорию „жизни" языка. На ней нам теперь необходимо остановиться.

III.

„Жизнь" языка J. Gilliéron'y рисуется в таком виде.

Звуковые изменения, неизбежные в языке, производят на слова разрушающее, болезнетворное действие. Подвергшееся звуковому изменению слово, как бы заболевает, при чем эта болезнь может повести либо к смертельному исходу, к полному исчезновению пора-

[1]) „Mirages phonétiques" (в Études de géographie linguistique), p. 73—4.

[2]) La faillite, p. 95.

[3]) Mirages phonétuques, p. 60.

[4]) В работе под тем-же заглавием.

[5]) Wortgeographie в немецкой терминологии.

женного слова, если оно в звуковом отношении сильно редуцировано, либо к превращению его в созвучное с другим словом, в т. н. омоним. Случай первого рода встречаем мы во французских словах é „пчела“ [1]) ive „кобыла“ [2]), вышедших из употребления вследствие своей звуковой дефективности.

Что касается омонимии, то следует различать два вида ее. Если омонимия является допустимой (tolerable), поскольку созвучные слова различимы по какому либо признаку, они обыкновенно в языке сохраняются. Так, например, сохраняются la livre (фунт) и le livre (книга) la moule (ракушка) и le moule (форма, образец) как различимые по роду; champ и chant, faux и faulx, благодаря орфографическому различию и принадлежности к разным частям речи. В случае же недопустимой (intolerable) омонимии, т. е. в случае полной неразличимости слов, одно из двух созвучных слов обычно исчезает и заменяется другим. Приведем несколько примеров. Некогда употребительное по всей Франции слово moudre „доить“ (из латинского múlgere) заменяется на севере страны словами traire, tirer и т. д. Если доискиваться причины этой замены одного слова другим, то окажется, что moudre в этой области было бы омонимом moudre „молоть“ (из латинского molere), а такая омонимия была бы недопустима в языке крестьян.

Это об'яснение находит себе опору в том факте, что тип mulgere отсутствует в пределах той, именно, местности, где по фонетическим законам он превратился бы в moudre [3]).

Другой пример. Латинские слова gallus „петух“ и cattus „кот“ в гасконской области должны были бы фонетически совпасть в одинаковой звуковой форме gat. Это недопустимая омонимия была устранена здесь заменой слова gallus другими, как faisan, vicaire [4]).

Третий пример. Латинские слова clavus „гвоздь“ и clavis „ключ“ с центре и на юге Франции, т. е. там, где они должны были бы, изменяясь фонетически, совпасть в одном и том же звуковом комплексе c l a u, избегли омонимии тем, что слово clavus было заменено производным clavel (из латинского clavellus), которое ныне в свою очередь устранено французскими типами [5]).

Иногда коллизия омонимов влечет за собой устранение обоих слов—случай, иллюстрацией которого могут служить слова épi и épine, исчезнувшие в гасконском [6]).

---

[1]) A. Dauzat. La géogr. ling. p. 87; 89—90.

[2]) op. c. p. 92—93.

[3]) J. Gilliéron et M. Roques, Études de géogr ling. p. 10 sq.; A. Dauzat, op. c. p. 65.

[4]) A. Dauzat, op. c. p. 65 sq.

[5]) op. c. p. 66.

[6]) op. c. p. 66.

Другой пример обоюдной элиминации омонимов—исчезновение apis и avicellus в северо-западной Франции (в департаментах Арденском, Марнском и Верхне-Марнском), где выражение „le vol dézés" могло обозначать одновременно le vol déz és, т. е. „полет пчел" и le vol d' ézés „полет птиц". Двойной пробел словаря заполняют с одной стороны слова mouche a miel, etc, с другой стороны jeune, alouette, oiselet, etc [1]).

Наконец, омоним, обреченный на вымирание, может иногда сохраниться в каком-нибудь отдельном словоупотреблении, где смысл слова не возбуждает сомнений. Так, например, французское somme (из латинского sagma) „вьюк" сохранилось в сочетании „bête de somme", но вообще вышло из употребления, как омоним слова somme (из латинского summa) „сумма", например, somme d'argent.

Действие омонимии заметно и в морфологии. Например, в глаголах благодаря омонимии происходит исчезновение некоторых времен и лиц. Так, clore (запирать) из-за омонимии с глаголом cloer во множественном числе утратил свои формы.

Омонимия влечет за собой, следовательно, двоякого рода последствия; одновременно отрицательные и положительные. Поскольку омонимия ведет к исчезновению слов, она является фактором разрушительным, губительным. Поскольку же она является причиной возмещения, замены утраченных слов другими, действие омонимии положительно.

Но слова могут подвергаться „заболеванию" и другого рода—„семантической гипертрофии" (hypertrophie sémantique), по выражению J. Gilliéron'a. Слова, перегруженные значениями, изнашиваются от частого употребления, теряют силу выражения, наконец, исчезают. Если, таким образом, в языке имеют место явления паталогические, то с другой стороны проявляют свое действие факторы целительные, терапевтические. Одни из них не отличаются особой силой, являются, по выражению J. Gilliéron'a „emplatres thérapeutiques", терапевтическими пластырями, т. е. паллиативами, большею частью временно залечивающими больного. Таковы, наприм., явления агглютинации (пример: les yeux, в произношении lézyoe) прибавление конечного звука (пример: és и ét в старофранцузском вместо é из латинского apis), помощь орфографии (пример: eau) в письменном языке.

Гораздо большее значение для оздоровления языка имеет т. н. контаминация и в особенности т. н. народная этимология [2]).

Доказательства язык представляет в изобилии. Контаминацию мы, например, встречаем в ряде таких образований, как валлонское op

[1]) Genealogie des mots qui désignent l'Abeille, p. 66 sq.

[2]) A. Dauzat, La géogr. ling., p. 72 sq. об'единяет контаминацию и народную этимологию под термином „омоническое притяжение" (attraction homonymique), как явления, противоположные коллизии.

(из более древнего ар, образовавшегося из латинского apis), в котором р происходит из контаминации с wespa; как mouchette „пчела" образованное из muche и ep (из apis); как maisseau, получившееся из скрещения vaisseau и mouche, и т. д.

Что касается народной этимологии, то господствующее в науке о языке мнение, рассматривало ее, как явление патологическое, которое проявляет свое действие только в редких, технических или иностранных словах.

Усматривая в этом мнении отражение чисто механистической концепции языка, свойственной „фонетистам", и выдвигая свою интеллектуалистическую точку зрения на язык, J. Gilliéron приписывает народной этимологии исключительно важную роль в жизни языка.

„Partout, говорит J. Gilliéron [1]), l'étymologie populaire est en éveil, déduit, combine, refait, rectifie, invente, mais toujours son action est logique, le resultat d'une observation sémantique ou formelle".

Народная этимология, по мнению J. Gilliéron'a, является одной из главных причин появления новых значений. Так, например, современное французское слово fermer, происходящее из латинского firmare, получило свое значение „замыкать" под влиянием семантического производства от fer (из латинского ferrum) [2]), и „было бы неправильным, говорит J. Gilliéron, чтобы в словаре современного языка fermer „замыкать" этимологически было связано с чем-либо иным, кроме слова fer [3]).

Другой пример: французское dégoutant, которое обычно считается производным от латинского gustum, по мнению того же ученого, следует рассматривать как тождественное dégouttant из goutte [4]). Третий пример: латинское cubare в общем значении „être coucher" превращается в couver в специальном значении „être coucher" (о птицах) под влиянием народной этимологии, сближавшей это слово с семантической группой ovum—ovare [5]).

Итак внутренняя эволюция языка представляет собой борьбу здоровых начал против болезнетворных, оправдывая термин „pathologie et thérapeutique verbales. Языку, который является средством для сообщения и в то же время орудием мысли, свойственно стремление к ясности, четкости, к устранению звуковых и семантических коллизий, затрудняющих понимание и вносящих путаницу. Народные говоры (patois) не отличаются в этом отношении от языка письменности.

Такова в общих чертах теория J. Gilliéron'a.

---

[1]) Généalogie des motsqui designent l'Abeille p 241
[2]) La faillite, p. 12
[3]) op c. p 113.
[4]) Path. et thér. III, p 20 sqq.
[5]) Généalogie, p. 225.

IV.

При всей своей гениальности, теория J. Gilliéron'a, нашедшего многочисленных учеников, сотрудников и последователей, не может не вызывать серьезных, существенных возражений [1]).

Основной недостаток J. Gilliéron'a—это его стремление во что бы то ни стало создать что-либо новое, оригинальное, опрокидывающее старые устои.

Отсюда эти кричащие, рассчитанные на сенсацию, заглавия: „Mirages phonétiques", „La faillite de l'étymologie phonétique", „Pathologie et thérapeutique verbales" и т. п.

Отсюда же наперекор „классической" лингвистике отрицание фонетики, сравнительной грамматики и этимологии. Отсюда, наконец, противоречия, преувеличения и недостаточная обоснованность некоторых положений.

Что касается первого пункта, то можно указать как образец „La faillite de l'etymologie phonetique", где под чрезвычайно многообещающим, сенсационным заглавием и в новой терминологии преподносятся давно известные лингвистам факты, каковы изменение, исчезновение значения и возникновение новых, а знаменитое „faillite" сводится к defectus etymi и его замещению новым значением „étymologie II", которое в свою очередь может быть заменено последующими (étymologie III, IV и т. д.) Ново здесь только усиленное подчеркивание роли „народной этимологии", как важного фактора в исчезновении значений слов и в появлении новых.

Нельзя согласиться, далее, с отрицанием фонетики, значение которой для лингвистики слишком очевидно и известно, чтобы на нем нужно было останавливаться. Все же некоторые моменты, существенные именно в приложении к теории J. Gilliéron'a, заслуживают упоминания.

Если в указанной теории центр тяжести переносится на лексико-семантическую сторону языка, то и эта последняя не может служить предметом исследования вне связи с фонетической, звуковой формой слов, зависимость от которой проявляется на каждом шагу. Ведь все омонимии, народные этимологии и т. п. базируются на фонетике, на звуковой форме слов и на ее изменениях. И J. Gilliron, понятно, не мог не считаться с этим положением, а что он прекрасно понимает влияние фонетики на состав словаря, доказывают следую-

[1]) Подробную критику лингвистической географии и в частности трудов J. Gilliéron'a дает Georges Millardet, Linguistique et Dialectologie Romanes, Paris—Montpellier 1923.

См. также. Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft, p. 605 sqq где перечислены и другие рецензии и критические отзывы.

щие яркие строки [1]): „Il n'est aucune loi phonétique qui, dans le long cours d'un parler, s'effectue sans causer des dommages nécessitant une oeuvre de réparation et des modifications de tout ordre. La phonétique est responsable de la disparition d'une grande partie des mots du patrimonie latin. Une foule de disparus sont des déchets de l'usure phonétique. Une foule de mots nouveaux sont des compensations plus ou moins heureuses à ces déchets".

Мало того, он ежеминутно обращается к презренной фонетике и признает [2]), что „географы не принадлежат к тем, кто мало пользуется фонетикой".

К чему в таком случае опорочивать тот отдел науки о языке, к которому volens-nolens приходится постоянно обращаться? К чему провозглашать ее несостоятельность, если игнорировать ее, отказаться от ее услуг, никоим образом невозможно? К чему саркастические выпады по поводу „belle régularité" фонетических изменений и „фонетических законов", если с ними нельзя не считаться и ссылаются на них неоднократно? [3]).

В результате непоследовательность, бросающаяся в глаза и непосвященному в тайны лингвистики.

С другой стороны, где фонетика умышленно обходится, получается такая же односторонность в концепции языка и его эволюции, какая ставится в упрек „фонетистам". Если последние „усматривают в эволюции языка только то, что производят органы произношения", то представителей географического направления лингвистики справедливо упрекнуть в обратной крайности, в однобоком „спиритуализме" [4]), „интеллектуализме" [5]), „рационализме" [6]) или как бы ни называть их исключительный интерес к смысловой стороне языка. Желание во чтобы то ни стало дискредитировать фонетику приводит J. Gilliéron'a и его школу к недостаточно обоснованным и поэтому к весьма сомнительным выводам, как, например, попытка в „Mirages phonétiques" доказать, что фонетическая закономерность представляет собой только мираж и что сравнительная грамматика, следовательно, лишена всякого значения для исторического исследования языка [7]).

А между тем без сравнительной грамматики лингвистическая география обречена на поспешные и мало обоснованные выводы, к которым должно привести исследование лишь поверхностных слоев

[1]) Pathologie et thèrapeutique verbales, I, p. 14
[2]) Généalogie de mots qui designent l' Abeille, p. 99.
[3]) См напр, ор с p. 221—222
[4]) Millardet, op c, p 120.
[5]) F. Schurr, Sprachwissenschaft und Zeitgeist, Marburg 1925, p. 72—77
[6]) Jordan в „Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft", p. 608.
[7]) См. критические замечания Millardet, op. c, p. 162 sqq.

языка, незатрагивающее более глубоко залегающих пластов. При исследовании современных говоров Франции нельзя не касаться их ближайшего предка—латыни, и даже более далекого предка—индоевропейского праязыка, так как французские говоры представляют только известный момент великой трансформации, идущей от индоевропейского праязыка через латынь к нынешнему состоянию.

Для освещения биологии языка его палеонтология—необходимейшая и неот'емлемая база, а отсюда вытекает потребность в сравнительном методе, который только и может дать нам возможность ретроспективно обозревать предшествующее лингвистическое развитие.

V.

Если лингвистическая география несвободна от указанных существенных недостатков, то тем не менее нельзя недооценивать ее достоинств и достижении.

Лингвистическая география прежде всего поставила на научную почву диахроническое исследование словаря и семантики, и в этом ее главная заслуга. Законы возникновения, жизни и смерти слов и их значений получили новое освещение.

Если преувеличением звучит заявление J. Gilliéron'a, что „il n'est pas un mot gallo—roman dont on sache l'histoire, et que tout ce qui a été fait à ce sujet est quelquefois à reprandre, presque toujours á refaire du tout au tout“ [1]), однако, нельзя не признать, что многие раньше необ'яснимые факты лексико—семантического порядка благодаря лингвистической географии не представляют более никакой загадки.

В особенности плодотворными оказались выше раз'ясненные принципы географической „конфигурации“ и „совпадения“ площадей, а также теория омонимии, проливающая новый свет не только на такие явления, так исчезновение и замена слов, но и случаи утраты некоторых грамматических форм или их переделки, случаи, относящиеся уже к области морфологии.

Лингвистическая география, наконец, оказывает весьма серьезную поддержку и фонетике, как это доказывает G. Millardet в своем, цитированном уже труде Linguistique et Dialectologie Romanes [2]).

[1]) La faillite, p. 94.

[2]) p. 202—223. См. также статью E. Tappolet, Über die Bedeutung der Sprachgeographie mit besonderer Berücksichtigung Französischer Mundarten, Halle a. d. S. 1905, особенно p. 32.

Нет, следовательно, такого отдела науки о языке, для которого лингвистическая география не имела бы важного (в большей или меньшей степени) значения [1]).

Однако, наша оценка была бы не полной, если бы мы не отметили здесь еще одного момента, которого мы досих пор не касались. Мы говорили о внутреннем развитии языка и о теории J. Gilliéron'a об'ясняющей это внутренее развитие действием имманентных языку факторов, разрушительных и благодетельных, находящихся в вечной борьбе. Имеются, однако, еще и факторы внешние по отношению к языку, но оказывающие на его эволюцию большое влияние. Мы разумеем факторы этнические, социально-экономические, политические и т. д. Лингвистическая география уделяет и им свое внимание [1]).

„Мы видим, говорит Jos. Schrijnen [2]), какое важное влияние оказывают большие культурные центры, как Париж и Бордо, естественные языковые границы, как Рона, исторические языковые острова, как герцогство Бургундское, при распространении звуковых или семантических изменений. Географический метод ясно показывает связь явлений языка между собою и их отношение к местным условиям и к историческому развитию. Он позволяет нам добраться до социального субстрата явлений (языка) и оказывает таким образом неоценимые услуги социологическому исследованию языка".

Если J. Gilliéron не питает склонности к историческому исследованию языка, то ряд других лингвистов, усвоивших географический метод, пытается соединить его с историей языка, а также и с общей историей, наконец, даже с социологией [3]). Не вдаваясь в подробности, мы отметим здесь лишь один существенный для интересующего нас вопроса факт, что применение лингвистической географии везде ведет к лучшим результатам, освещая новым светом многие факты, углубляя и дополняя выводы других наук.

---

[1]) См. кроме цитированных уже работ A. Dauzat, G. Millardet и E. Tappolet также K. Jaberg, Sprachgeographie, Aarau 1908. (XXXVII Jahresheft d. Vereins schweiz. Gymnasiallehrer), p. 16—41, особ. p. 41.

[2]) Подробное изложение этой части лингвистической географии см. у A. Dauzat, La géographie linguistique, p. 132—193. Там-же даются библиографические указания.

[3]) Einführung in das Studium der indogerm. Sprachwissenchaft, p. 98.

[4]) См. работы: Gauchat, Gibt es Mundartgrenzen? (Arch. f. d. Stud. d. n. Spr. III); H. Morf, Mundartenforschung und Geschichte auf. roman Boden. (Bull. de dialectol. rom. I) и Zur sprachlichen Geichung Frankreichs (Berl. Sitz-Ber. 1911); J. Jud, Probleme d. altroman. Wortgeographie. (Zeitschr f. rom. Philol. XXXVIII, p. 1 sqq); и Terracher, Les aires morphologiqus. Paris 1914; L. Jordan, Sprache und Gesellschaft. (Hauptprobleme der Soziologie Erinnerungsgabe für Max Weber), I, p. 337—360.

В лингвистической географии [1]) наука о языке приобрела таким образом чрезвычайно ценное орудие для наглядного изображения и отчетливого понимания необыкновенно сложной картины „жизни" языка, о которой исторический метод мог дать слишком упрощенное, недостаточно яркое, а, следовательно, невполне точное представление.

Нужно думать, что новая отрасль языкознания, развиваясь и совершенствуясь в методологическом отношении, окажет в дальнейшем еще более важные услуги науке о языке и внесет новые славные страницы в книгу великих открытий человеческого разума, Почетное место займет в ней и имя творца новой науки—Jule' Gilliéron'a.

Кабинет Языкознания
Горского Педагогического Института
16 октября 1926 г.

ОРИЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

[1]) Для большей ясности изложения и иллюстрации настоящей статьи было бы очень желательно приложить несколько лингвистических карт, но по финансовым соображениям автор принужден от этого отказаться Несколько карт интересующиеся найдут в цитированных книгах A. Dauzat, Jaberg'a и работе A. Dauzat, Essais de géographie linguistique, I, Les noms d'animaux, Paris 1921.

Inhaltsübersicht.

I. Auf dem Boden der Dialektologie entstanden, fängt die Sprachgeographie mit der Kartographie an.

Das Bedurfnis, die linguistischen Karten zu erklären, hat ihre Interpretation unentbehrlich gemacht.

Bei J. Gilliéron hat sich die Interpretation des „Atlas linguistique de la France" in eine neue Theorie des „Sprachlebens" umgestaltet.

II. Der Ausgangspunkt der Sprachgeographie ist, sprachliche Tatsachen in ihrer raumlichen Verteilung zu untersuchen.

Zwei Prinzipien sind hier anzuwenden: 1) das Prinzip der geographischen „Konfiguration" (confuguration géographique); 2) das Prinzip des geographischen Zusammenfallens der Flächenräume (superposition des aires).

Der Mittelpunkt der Sprachbetrachtung J. Gilliérons bildet dabei die Wortforschung was mit seiner intellektualistischen Auffassung der Sprache und seiner Abneigung gegen: „klassichen" Sprachwissenschaft, welche vorzugsweise die äussere Seite der Sprache untersuchte, erklärlich ist.

III. Das Sprachleben fasst J. Gilliéron als einen ewigen Kampf der sprachzersetzenden, pathologischen und sprachschopferischen, heilenden Faktoren (Pathologie et thérapeutique verbales) auf.

Homonymie von einer Seite und Volksetymologie von der anderen spiellen dabei die Hauptrolle.

IV. Die schwachen Seiten der Gilliéron'schen Theorie sind: das Streben nach Sensationellem und Uberraschendem, die Geringschätzung der Phonetik, der historisch—vergleichenden Grammatik und der Etymologie, einseitige intellektualistische Auffasung der Sprache.

V. Die Sprachgeographie ist trotzdem von grosser Wichtigkeit nicht nur für die lexiko-semantische Sprachforschung, sondern auch für alle Gebiete der Sprachwissenschaft.

Ein neues Licht wirft die Sprachgeographie auch auf die Einwirkung, welche die ethnischen, sozial-oekonomischen, politischen u. s. w. äusseren Faktoren auf die Sprachentwicklung ausüben.

Das Verdienst der Sprachgeographie ist auch dass sie das Bild der Sprachentwicklung, welches die Sprachgeschichte zu sehr vereinfachte, vervollständigt.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР